

Перечитываю поэму и вижу в ней ранее скрытые даже от автора смыслы. Видимо, о них и писал мне в декабре 2018-го Николай Фёдорович Иванов. Натянутые внутренние пружины произведения, его поэтические и откровенно политические аллюзии позволяют надеяться, что исследование будет интересно не только вашему покорному слуге.

Моя главная героиня Евдокия, Дуся, если по-простому, и есть, сама современная Россия. Недаром имя её переводится с греческого, как *благоволение*. Оправдается ли?! Я намеренно не называю её Дуней. Чтобы не было и тени аналогии с пушкинским «Станционным смотрителем».

Едва выбравшаяся из красных одежд, шитых белыми и разноцветными нитками. С многочисленными заплатами. В ветхой избушке. Без куска хлеба. Переживающая, как и весь народ, за завтрашний день. Мучающаяся по злой воле увядшей старой власти и не менее равнодушной на историческом переломе к своим гражданам новой. Плюс проклятие родичей по двоюродному прадеду линии. Не позавидуешь. Столько лет её душу, как святой лесной родник, большевики пытались завалить идеологическим мусором. Кажется, всё, жди духовной засухи. Многих такая сущь спалила. Но у Евдокии, женщины с русским национальным характером, на первый взгляд, неприметным, однако, способным при случае горы свернуть, каждый раз пробивался тонкий чистый ручеёк и будил молитвы. К таким, не только литературным героиням, видать, и благоволят небеса. Только испытания посыпают им более тяжкие, чем другим.

Дуся-Россия потеряла пращуров, что смертельно боролись сами с собой. За богатство. За право дарить людям данные им Богом таланты. История наша катилась под уклон, как задолго то и предсказывал Серафим Саровский. (Именно в Дивеево мечтает попасть моя героиня). Как в канун революции предупреждал императора Григорий Распутин. (Всегда помню о мистической схожести фамилий придворного старца и нынешнего хозяина Кремля. В России ничего случайного никогда не было и не бывает).

Получается, что дворянская интеллигенция, заварившая колдовское зелье разрушительной революции, в нём же и сварилась, как неразумный царь из «Конька-Горбунка». Отсюда страшная судьба у Дусиных прадедов Константина и Михаила. Младший брат переживает старшего лишь из-за тайного поклонения тёмной силе. Например, отверженному ещё Зимним дворцом графу Калиостро. Ведь в первые десятилетия после Великой Октябрьской, Господь насилено изгонялся из народного сознания. На его место всячески пытался взгромоздиться Антипод. Жгучие осколки мистики впились в миллионы русских душ. Особенно крестьянских. Всегда обитающих на водоразделе светлых и тёмных сил. Вот почему «переформатированные» колхозники в любых действиях внуки Константина видят откровенную чертовщину. То коровы и собаки у неё дьявольского цвета. То рак свистит отверженной селом бабуле с кладбищенской горки.

Так ли всё на самом деле? Евдокия толком не знает, но охотно верит деревенским побасенкам. Спросить не у кого. Мать по привычкекусает губу и молчит. Комсомольцы бегут в церковь, пере-

деланную в клуб, с гармошками. Новое поколение бывших именитых панов, в лице Евдокии, о чём та и не подозревает, затюкано советским строем, которому верно служил прадед Михаил. В своём полковом агитпропе он науськивал красноармейцев на восставших против нелюбимой власти тамбовских крестьян. Недавнему светскому гуляке и моту было откровенно наплевать и на первых, и на вторых. У него свой идефикс «братской» мести. Могли ли небеса простить смертные грехи бывшему дворянину и штабс-капитану, ненавидящему по своему «высокому» происхождению быдло, чернавок. Женившемуся для прикрытия на сельской комсомолке с агрономическим циркулем.

Истина же в том, что всю жизнь не прошастаешь в блестящих сапогах по грязи, не измазав обувку и не запятнав душу. Не удивительно, что заболтавшийся о своих подвигах на гражданской войне Михаил получает пулю в лоб. Может, даже в том лагере, где по его предательскому наущению, расстрелян брат Константин. А ведь тот мог при Сталине стать, скажем, директором крупного оборонного завода. Или наркомом. Не зря же себя считал учеником реформатора Витте. Введшим, между прочим, знаменитый царский золотой червонец. Может, самый устойчивый в истории Руси номинал. Только сейчас понятно, сколько нужнейших Родине миллионов русских людей живьём сварилось в том кипящем кotle.

В некотором смысле поэма «Львы» – логический итог всего дурного, что, зародившись в бунтарские годы, отобразилось в блоковских «Двенадцати». В обоих произведениях часть действия вращается вокруг многострадального Питера. И никакой не Христос идёт там революционным шагом впереди расхристанных морячков. Скорее всего, вчерашний студент и армейский гуляка Михаил, быстро привыкший к красному банту, с которым легко рифмуется банда.

Можно лишь догадываться, почему из восьмилетнего заключения вдова Константина Ксении возвращается с одним сыном, хотя её увозили к чёрту на кулички с троими. Куда единственный наследник через годы пропал, оставив на попечение бабушки свою дочку. Девочка, естественно, в атмосфере классового презрения сельчан к старшей Ксении, вырастает дичком. Власть, как и бабку, её, словно заговорённую, не трогает. Не исключаю, что потомки дворян знали специальную молитву. Дома, как полагается, русскому человеку, у младшей Ксении киот, а рядом, совершенно неожиданно, портрет вождя. Наверное, того, что прижал к ногти так называемую ленинскую гвардию. Принёсшую роду первые жертвы.

Атрибуты церкви и государства отделяет липучка с пойманными в ловушку мухами. Явная аллегория с заблудшими в годы оные людьми. Символы, в принципе, не мешают друг другу и существуют будто бы в параллельных мирах. Как, видимо, и душа готовой к скорой смерти хозяйки.

Но жизнь продолжается. Она призывает Дусю, Евдокию, пригретую вместе с семьёй двоюродной бабкой, после всех страхов, то бишь, ужасных потрясений девяностых, окунуться в новый русский капитализм. Пусть и под предупредительный петушиный крик на заре. Да, ящик с фамильным золотом и бриллиантами молодой женщине, матери троих детей, достался при довольно странных обстоятельствах от предков. Конкретно, от Константина, которого прадед Михаил и погубил.

Да и сама-то героиня, говоря официальным языком, незаконнорожденная. Как и страна с новым строем после каждой из революций. Дуся увидела своего тайного отца, советского туза из соседней деревни, мельком. На своей свадьбе. Судя по всему, первый и последний раз в жизни. А не так ли к нам, словно искусила, заявился уже однажды отверженный строй, потрясая западными железняками и тряпками. Увлёк в первую очередь сильно сомневающихся Евдокий, прижитых партийными буржуа, словно нарочно для такой эпохи. Не зря, наверное, что-то разузнав, муж бросает Евдокию на сносях. Уходит к dame из чужой колоды. Точно так же, как бросили Россию вскормлённые ею «братские» республики. Хотя многие потом осознали, что дама-то пиковая. Несущая смерть.

Зверь явно ошибся в простой русской женщине с незамысловатым именем. Вроде отверженной на земле, но не потерявшей в глубине души Спасителя. Не учёл, что в России далеко не все жадно тянутся к халяве. Сначала пощупают – а от кого дары и чем за них расплачиваются. С того никак не может Телец пробить своим золочёным копытом грудную клетку всё ещё святого царства, дабы достать и смять русское сердце. Ему бы Пушкина перечитать: «И почему не надо золота ему». Там не о государстве речь. Гений хитрит. Думаю, имеет в виду нашего православного человека.

Дуся клад всё же взяла. Не с восторгом. Скорее, со страхом. Ведь в каждой вещице с огорода таилась чья-то трагедия. Понимая, что бронзовый ящик не дар, а наказание за грехи пррапрадеда, от которого просто нельзя отказаться, вчерашняя нищенка тут же вспоминает Богородичную Канавку.

По ней на коленях паломники ползут почти полтора километра. Там никакие золотые булавки не оградят от гнева Божьего, коли заслужишь кары небесной.

Казалось, Антипод спланировал всё заранее, до мелочей. Вырастил чуть ли не в каждой деревне и уездном городке себе пособников. Не говорю уж о столицах. Да не на ту напал. Моя героиня готова на всякие жертвы, которые заключены в сейфе, как в ящике Пандоры. Надеется, что грязные слитки вскоре удастся пристроить. Например, ювелиру, чей род верно служит нескольким поколениям семьи Евдокии. Тамошний народец ко всякому привычен. Ничем не брезгует. Откуда, думаете, появились денежки у неработающей вдовы Константина. И за что дворянка по происхождению получила охранную грамоту от рабоче-крестьянских властей. Хотя, конечно, не забывала о молитве.

К части Дуси, та не мечтает о гобеленах на стенах собственного дворца и яствах на хрустале и фарфоре с вензелями. Деток бы чёрствой горбушкой накормить и не пустить их по миру. Смело идёт на зов к соседке-«колдунье». Где, мол, наша не пропадала. Если что, отобьюсь от нечистой силы. Львов-то ночью не испугалась. Хоть и во сне. Встречает же раскаявшуюся двоюродную тёtkу, которая становится племяннице и судьёй, и адвокатом, и кормилицей.

Я не зря называю Евдокию олицетворением новой России. В женщинах сработали едва теплящиеся гены некогда славного рода. По Менделю, на которого я ссылаюсь в прологе поэмы, лучшие признаки срабатывают в потомках в третьем-шестом, а то и в девятом поколении. Вот и на Дусю упал лучик из тёмного для других прошлого. Нечто светлое и честное сохранила она от пана-прапрадеда, не оставившего Михаилу за его похождения наследства. Мать троих детей отдаёт во сне явившимся львам последние копейки. Конечно, есть вопрос: из какого мира они пришли? Не вестники ли грядущего Царя? Почему клад уготован судьбой Дусе, а не кому-то другому? Мало ли чёрных копателей, пытающихся разрыть старинные дворянские усадьбы. Думаю, потому что Евдокия верующая. Правда, её Вера, как у всякого вчера ещё советского человека, пробуждающегося к Благовещению, тесно перемешивается с языческими взглядами. А за «многоверие» надо платить. Уезжает-то она в Питер с тремя сыновьями, а дальше повествование идёт об одном. Куда делись двое? Неужто повторяет путь Ксеньи-старшей.

Питер в девяностые – бандитский. А тут невесть откуда свалилась прямо на Невский неведомая деревенская богачка. Да ещё по храмам ходит. Возможно, горы золота попам отваливает. Почему бы не пощупать её капиталы. Где презренный металл, там и кровь. Методы хорошо известны по сериалам и реальным предсмертным крикам в тёмных вагонах электричек. Сам слышал.

В конце поэмы Евдокия, судя по всему, понемногу воцерковляется. Разве не похоже это на современную Россию? Дуся за весь род простила своих предков. Старается примирить их души в церкви. В праздник Яблочного Спаса. (Тоже символично). Она боится, что её внуки, получив богатый капитал от ворочающего миллионами отца, опять, как их предки сто лет назад, начнут кровно мстить друг другу. И всё возвратится на круги своя. Чародей-то не отходит от сейфа, в котором хранился клад. Но Евдокия, замаливая грехи пращуров, старается облегчить планиду родной семьи и страны. Как раз в похожем состоянии находится ныне многострадальное наше Отечество.

Что его ждёт, варварский капитализм или православный социализм? Может, нечто среднее? Главное, чтобы не было раздора между братьями и поколениями. Чтобы золото из казённых недр доставалось всему народу, а не бандам с большой дороги. Вот о чём поэма «Львы».

Не мне судить о её месте в современной русской поэзии. Но придёт время, когда второй номер «Берегов» за нынешний год, ещё станет предметом пристального изучения литератороведов, критиков и ещё Бог весть каких специалистов. «Львы» заставят. Говорю уже не как автор, а как понимающий каждую их золотую шерстинку читатель.